

Глава 14: Избиение

Прежде чем Гуань Суй вошла в главный двор, она услышала плач призрака и вой волка, особенно Чжао Ван Шу был самым шумным, он кричал папе и маме без остановки, звуки казались очень сердитыми.

“Мама, ты здесь, пожалуйста, помоги заступиться за моего брата! Папа собирается убить его!” Чжао Чуньси стояла в коридоре, тревожно ожидая, и, увидев группу опоздавших хозяина и слуг, поспешно поздоровалась и притянула их к себе. Хотя она заткнула рты своим слугам и сказала им не предавать ее, но ее раздраженный брат был настолько безмозглым, что пошел прямо в кабинет, чтобы подать жалобу их отцу, чтобы тот развелся с Гуань Ши и попросил его отказаться от официального положения отца и сына семьи Гуань. Что ты имеешь в виду под этим? Неудивительно, что отец в ярости.

“Не торопись, давай сначала поговорим о том, что происходит. Должна же быть причина изменить закон о семье, верно?” Гуань Суй вошла в главный зал и увидела Чжао Ван Шу, стоящего на коленях под давлением двух охранников, в то время как Чжао Лули держал за спиной ротанговую трость, выражение его лица было очень раздраженным. Старая госпожа не смогла его переубедить, ей оставалось только сидеть в стороне и вытирать слезы.

Чжао Чуньси осмелилась сказать правду, она заикалась, и Гуань Суй слегка улыбнулась: “Без твоего ведома я тоже знаю, что это не более чем приказ твоему отцу развестись со мной и лишит моего деда и отца официальных должностей”.

“Откуда ты знаешь?” Чжао Чуньси была еще молода, поэтому ее легко обманули, выведав правду

“Он осмелился сказать это вчера при мне, как я могу не догадаться?” Гуань Суй подошла к старой госпоже и остановилась.

Когда Сунь Ши увидела приближающуюся невестку, она не могла не обрадоваться и поспешно сказала: “Иди и останови господина маркиза, поторопись! Еще несколько ударов повредят тело Ван Шу!”

“Мама, не волнуйся, я все еще не поняла, что произошло”. Гуань Суй сжала худые плечи старой госпожи.

Сунь Ши тоже была упряма, не решаясь сказать правду, и только ругала: “Я же говорила тебе остановить его, почему ты так много спрашиваешь? Теперь ты хозяйка особняка маркиза, и твой долг - заботиться о своем пасынке. Видя, как господин маркиз избивает твоего ребенка, ты не пытаешься переубедить его, вместо этого ты стоишь в стороне и смотришь шоу. Ты хочешь, чтобы господин маркиз забил твоего пасынка до смерти, чтобы освободить место для твоего собственного ребенка? Это воспитание твоей семьи Гуань? Разве ты не боишься в конечном итоге получить репутацию эгоистки, разрушив репутацию, которую твой дедушка так усердно создавал”.

Если дело касалось Чжао Ван Шу, старая мадам становилась очень суровой и резкой. Гуань Суй слышала подобные обвинения бесчисленное количество раз в своей прошлой жизни. Неся позор жестокого обращения со своим пасынком, она изо всех сил старалась обучить различным талантам Чжао Ван Шу. В обмен не было никакой благодарности, только непонимание. Однако она никогда ничего не объясняла, потому что думала, что однажды, когда Чжао Ван Шу получит высшие оценки на императорских экзаменах, все поймут ее кропотливые усилия. Однако тот день так и не наступил, потому что даже Чжао Ван Шу не мог

понять ее, даже втайне ненавидел ее.

Что ж, ее ничего не волновало в этой жизни. Думая об этом, Гуань Суй села прямо рядом со старой мадам и медленно сказала: “Я услышала кое-какие новости до того, как пришла. Это единственное избиение, которое он заслуживает, и я не буду его переубеждать.”

Старая мадам была в ярости. Указывая на свою невестку и на своего более безжалостного сына, она крикнула: “Идите сюда, быстро оттащите господина маркиза, быстро оттащите!” Но слуги на переднем дворе, которые исполняли семейный закон, слушали только Чжао Лули. Как они могли осмелиться на необдуманные действия, если один приказывал другому.

Чжао Ван Шу запыхался и заплакал: “Мама, этот сын спустится, чтобы сопровождать тебя, и попросит тебя хорошенько взглянуть на то, насколько жесток Чжао Лули! Они сказали, что если у тебя есть мачеха, то у тебя будет отчим, это правда. Вчера он проливал слезы над твоим портретом, а сегодня способен забить своего сына до смерти ради новой жены. Мама, если ты знаешь это место под родником, пожалуйста, перевоплотись как можно скорее. Не жди этого человека с волчьим сердцем!”

Сын и дочь, которых Чжао Лули воспитывал с особой заботой, действительно понимали, в чем его слабость. Эти слова пронзили его сердце, как игла. Он высоко поднял руку, но в конце концов не смог его ударить. Через несколько вдохов он внезапно отбросил трость и тупо сказал: “Верните молодого господина и возьмите мою карточку, чтобы попросить императорского врача”.

Группа слуг поспешно вынесла Чжао Вана вниз. Чжао Чуньси вздохнула с облегчением, закатила глаза и вдруг сказала рыдающим голосом: “Мама, ты ничего не говоришь, когда моего брата бьют, ты действительно хочешь увидеть, как папа забьет его до смерти? Я, я действительно неправильно поняла тебя с самого начала, ты такая жестокая!” Закончив, она тоже пристально посмотрела на Чжао Лули, затем приподняла юбку и убежала вон.

Чжао Лули уже был сломлен жалобным обвинением своего сына, и теперь глаза его дочери, полные негодования, глубоко ранили его, причинив боль на некоторое время. Он пошатываясь сел в кресло и увидел Гуань Суй, которая сидела в стороне с безразличным выражением лица, он почувствовал чувство отвращения без всякой причины. Если бы он знал, что этот человек был таким бессердечным и хладнокровным, он бы не согласился с плачем своих детей в самом начале. Как в этом мире может быть мачеха, которая действительно заботилась бы о своих пасынках? Он ненавидел себя за бестолковость и вымещал унижение, которое испытал в семье Гуань, на своем сыне. Этого не должно быть! Действительно не должно быть! Если Чжэнэр узнает, она определенно будет винить его еще больше, верно?

Чем больше Чжао Лули думал об этом, тем труднее было успокоить свой разум. Поначалу у него появилась небольшая неприязнь к Гуань Суй, но позже он действительно увидел в ней врага. Он посмотрел прямо на нее, его лицо исказилось от гнева, выглядя чрезвычайно ужасно.

Хотя старой мадам не терпелось увидеть своего внука, она не хотела так легко отпускать Гуань Ши и прошипела: “Верни бухгалтерские книги, ключи и соответствующие карточки, которые я дала тебе несколько дней назад. Я не смею позволить тебе заботиться об этом доме. Неизвестно, убьешь ли ты, в один прекрасный день, Ван Шу.”

Это было действительно ужасно. Выражения лиц Мингляня и Минфана резко изменились, но Гуань Суй все еще сидела неподвижно, как гора, а затем произнесла слово за словом. “Вы двое думаете, что это избиение неправильно? Не боясь рассмешить людей, мой дедушка в

молодости заикался. Чтобы исправить это, он каждый день повторял Священные Писания, посасывая камни, так что его губы и язык покрылись язвами до такой степени, что даже есть и пить было трудно, но он отказался сдаваться и стал литературным гигантом, как и сегодня. Мой отец путешествовал с ним, чтобы проповедовать конфуцианство, так как он был ребенком. Он столкнулся с многочисленными трудностями, прошел через опасности жизни и смерти и в конце концов стал ученым-конфуцианцем. Не только они, в юные годы, я тоже вынесла много страданий. Взгляните на мою руку, какие толстые мозоли от шлифовки при занятиях каллиграфией. Поскольку я женщина, мне может не хватить сил, когда я пишу кистью, поэтому мой отец привязал мешок с песком к моему запястью, чтобы попрактиковаться. С половины мешочка в возрасте пяти лет постепенно выросла до четырех мешочков сейчас. Узел пронизывал мою кожу слой за слоем, и до сих пор остались шрамы, которые трудно устранить, что в конце концов заставило меня попрактиковаться в хорошей каллиграфии, которая заключилась в трех точках в лесу и железной росписи, серебряных крючках. В тот год наша семья отправилась в Мохэ, чтобы распространять конфуцианство. Чтобы я не умерла преждевременно из-за сильного холода, моя мама каждый день снимала с меня халат и позволяла мне бегать по плотному снегу в одном пальто, заставляла меня нырять в ледяную реку и нырять, ощущение замерзания до мозга костей, может ли кто-нибудь из вас представить? Это правда, что она моя биологическая мать, связанная кровными узами, но почему она так со мной обошлась, скажете вы? Она пыталась убить меня?"

В зале воцарилась тишина, и даже старая мадам была ошеломлена. Никогда не ожидала, что обучение в семье Гуань будет таким строгим.

Гуань Суй опустила рукава, скрыла шрамы и толстые мозоли на запястьях и костяшках пальцев и медленно сказала: "Потому что они добры ко мне, они могут быть особенно строгими. В три года я могла прочесть "Политику воюющих государств", в шесть лет написать эссе, а в десять лет помогала дедушке учить учеников старше себя. Мы в семье Гуань знаем, что такое доброжелательность, справедливость, этикет, мудрость, верность, сыновняя почтительность и братские обязанности, еще лучше знаем, как сдерживать себя и возвращаться к обрядам, а также отличать добро от зла. С другой стороны, Ван Шу, в возрасте десяти лет, сколько иероглифов он знает? Сколько эссе он может написать? Насколько он искусен в Шести Искусствах Дворянина? Понимает ли он политическую ситуацию?"

В ранние годы Чжао Лули сражался на улице, и у него не было времени воспитывать своих детей. Старая госпожа всегда слепо потакала и баловала. Сейчас ему было около десяти лет, не говорите, что он писал эссе, даже самые простые иероглифы не могли распознать все. Если бы Гуань Суй не спросила, они бы даже не заметили, что что-то не так. Задавая эти вопросы, они действительно хотели просверлить себя до основания.

Ван Шу даже не был хорошим инструментом! Два властных человека теперь были пристыжены и подавлены, и в их сердцах было слабое чувство тревоги.

Однако следующие слова Гуань Суй были подобны тревожному сигналу, который пробудил их и придал им сил: "Его Величество хочет использовать императорский экзамен для отбора должностных лиц. Через долгое время она заменит систему Чжунчжэн девятого ранга. Если не будет основательного обучения, Ван Шу будет трудно занять высокое положение в будущем. И не надо держать лицо, любой может видеть, что теперь у маркиза Чженбэя нет дружбы с Его величеством, напротив, есть довольно серьезные разногласия. Без знаний, если он будет честным, ответственным и порядочным, возможно, ему удастся сохранить титул маркиза Чжэнбэя и благополучно дожить до старости. Но посмотрите на него сейчас, высокомерного, упрямого, болтающего без умолку, неверного, неблагородного, непокорного и даже осмеливающегося так легко отказаться от должности императорского учителя и главного

церемониймейстера. Кто вселил в него такую уверенность? Неужели он думал, что ты, Чжао Лули, сможешь заменить императора? Возможно, большинству людей будет наплевать на ребенка, но уверен ли ты, что в особняке маркиза Чжэнбэя нет врагов снаружи? Нет ли разведчиков, расставленных другими? Они не будут использовать это в качестве предлога для объявления обвинения семье Чжао? Как говорится, небесная сила непредсказуема, император может терпеть тебя какое-то время, но не обязательно всю оставшуюся жизнь. С некоторыми разногласиями, возможно, однажды это станет занозой в его сердце, которую невозможно будет не вытащить. Поскольку вы находитесь в серьезной ситуации, разве вы не должны быть сдержанными и скромными? Теперь, когда Ван Шу все еще молод, он может использовать оправдание "молодого и невежественного", чтобы быть беспечным. Но подождите, пока он вырастет, если он снова доставит неприятности, я боюсь, что это станет катастрофой".

Чжао Лулу и старая мадам были ошеломлены этими словами, их сердца и души были потеряны. Ван Шу был сыном Е Чжэня и Чжао Лулу. Император души в ней не чаял, но мог ли он быть хорошего мнения о Ван Шу? Когда Е Чжэнь родила принца, чтобы сохранить королевскую родословную и лицо, он не мог не найти предлога, чтобы навредить Ван Шу. Теперь он повсюду болтал языком и не все понимал. Разве не было похоже на то, что он заплел себе косы и просит людей дергать его за них?

Думая об этом, эти двое уже сильно вспотели.

Гуань Суй улыбнулась и продолжила: "Ты говоришь, что я жестока, но я не знаю, действительно ли я жестока. Я должна была остановить господина маркиза раньше, чтобы Ван Шу не запомнил этот урок, не запомнил, что значит быть осторожным в словах и делах. Я буду слепо баловать его, потакать ему, дам ему больше всего денег, самую красивую служанку, самого ловкого слугу и самую большую свободу. Он не любит читать, поэтому я помогу ему прогулять школу. Если ты хочешь научить его, я встану и буду защищать его. Если он будет тратить свое время на выпивку и поиски удовольствий на улице, я не только не буду препятствовать ему, но и помогу скрыть это. Рано или поздно я превращу его в невежественного и высокомерного человека. Подождите, пока он натворит бед, разве не будет здорово, если я прикончу его в конце концов? Не думайте, что я неприятная, у моей семьи такое воспитание. Если есть что сказать, то говорите это, если есть что сделать, то работайте над этим, всегда прямолинейно. Я искренна по отношению к Ван Шу и особняку маркиза, и я считаю, что все вы доверяете мне, если вы этого не цените, то забудьте об этом. Но я все же хочу сказать еще кое-что: десять лет - это не юность, пришло время получить надлежащее образование". После этих слов она поклонилась и ушла.

Чжао Лулу и старая госпожа долго думали, и оба вздохнули. Теперь они не думали, что Гуань Ши была эгоистичной и порочной, напротив, чувствовали, что избиение имело сильное начало, но слабое завершение, и Ван Шу, возможно, не смог бы вынести урок, поэтому они неизбежно чувствовали беспокойство.